

О ТРЕХ УРОВНЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ. ЧАСТЬ 2. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ УРОВНИ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ

А. Г. Вяткина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 апреля 2025 г.

Аннотация: в структуре трансцендентальной субъективности мы выделяем три сущностно несводимых уровня. В данной части статьи рассматриваются уровни, условно названные социокультурными и экзистенциальными. Первый из них характеризуется как рассудочный и формируется путем закрепления в сознании человека социальных инстинктов, представляющих собой совокупность бессознательно усвоенных алгоритмов поведения и мышления. Экзистенциальный уровень рассматривается как источник человеческой самости, свободы и творческих актов. Будучи противопоставлен в литературе рассудочному уровню, он часто носит название разумного. Однако показывается, что в данном понимании разум не сводится к чисто логическому *ratio*, а представляет собой синтез различных познавательных способностей, в том числе связанных с чувственностью. Утверждается, что все три выделенных уровня имеют свои априорные формы и схемы. Вводятся понятия «открытой» и «закрытой» схем, характерных соответственно для экзистенциального и социокультурного уровней. В рамках экзистенциального измерения трансцендентальной субъективности утверждается существование индивидуальной чувственной априорности. Три выделенных уровня тесно связаны между собой и образуют схематическую сеть мышления. Индивидуальное априори и открытые схемы выражают особый характер сопричастности человека миру, встраивания индивидуального сознания в реальность и вбирания в себя дающегося в этом акте содержания. Объясняется, почему в философии и науке обычно говорится не о трех, а о двух уровнях человеческого бытия.

Ключевые слова: трансцендентальная субъективность, социальный инстинкт, открытая схема, закрытая схема, экзистенциальный уровень бытия, рассудок, разум, индивидуальные априорные формы.

Abstract: in the structure of transcendental subjectivity, we distinguish three essentially different levels. This part of the article examines the levels, conventionally called socio-cultural and existential. The first of them is characterized as the level of understanding and arises through the formation and fixation of social instincts in the human mind. The existential level is considered as a source of freedom, creative acts and true human identity. It is contrasted in literature with the level of understanding and is often defined as the level of reason. It is argued that all three distinguished levels have their own a priori forms and schemes. The concepts of «open» and «closed» schemes are introduced. They are characteristic of the existential and socio-cultural levels, respectively. We affirm the existence of individual and sensual a priori within the existential level of transcendental subjectivity. The three highlighted levels are closely interconnected and form a schematic net of thinking. The individual a priori and open schemes express the special character of a person's involvement in the world, embedding individual consciousness in reality and absorbing the content given in this act. It explains why philosophy and science usually speak not about three, but about two levels of human existence.

Key words: transcendental subjectivity, social instinct, open scheme, closed scheme, existential level of being, understanding, reason, individual a priori forms.

В научной и философской литературе вопрос, связанный с эволюцией мозга человека, находится в теснейшей связи с проблемой развития социокультурного бытия: «...Наш мозг – в первую очередь неокортекс и в самую первую очередь лобная кора – эволюционировал параллельно с усложнением статусной системы внутри социума» [1, с. 424–425];

«более сложная организация требует более сложного мозга» [2, с. 70]. В данном пункте нашего исследования мы подходим к вопросу, который касается третьего аспекта причинности в развитии сложной открытой системы, а именно – к воздействию внешней среды. Как отмечалось, системный подход рассматривает конкретную целостность в принципиальной открытости и взаимодействии со своей окружающей средой. Именно бытие-в-мире размыкает систему,

позволяя образоваться в ней новым структурам, которые по отношению к предшествующим этапам будут рассматриваться как фульгурация. «Окружающая среда не только со-присутствует; она является также со-организатором» [3, с. 242].

Кроме того, данный третий аспект причинности заставляет систему менять характер детерминации. Наличная целостность, размыкаясь в горизонт бытия, определяется не только своими прошлыми характеристиками и состояниями, но также, как бы это парадоксально ни звучало, и будущими, еще не наступившими. Причем эти будущие определенности не присутствуют в самой системе в свернутом виде, в качестве заданных возможностей. Они входят, встраиваются в бытие системы благодаря ее разомкнутому характеру. Соприкасаясь и сообразуясь с «иным», с тенденциями, присутствующими в окружающей среде, система формирует те структуры, которые еще не наличествуют в ней, но только могут возникнуть. Другими словами, они относятся к кругу незаданных возможностей. Описываемая ситуация находит свое онтологическое обоснование в теоретических рамках экзистенциализма: категория ничто, взятая как горизонт незаданных возможностей, и сартровская идея бытия как проекта позволяют преодолеть узкие представления линейной однонаправленности мира и осмыслить реальность как ветвящуюся множеством новых непросчитываемых возможностей. Однако, если у Сартра «проективность» связывается, прежде всего, с бытием человека, то теория сложных систем позволяет перенести рассматриваемый принцип на различные открытые многоуровневые структуры. На наш взгляд, такая экстраполяция только укрепляет данный принцип. Ибо радикальность обособления природы человеческого бытия, которая сплошной стеной отделяется от существенных характеристик всей остальной реальности, противоречит интуитивному восприятию мира, сложившемуся на основании современной науки, – мира, который постепенно эволюционировал, усложнялся шаг за шагом, где новое не всегда задано прошлым, но и не возникает на пустом месте, а всегда предуготовлено предшествующим этапом. По крайней мере, такова наша интуиция. Если для периодов прошлого, в частности Средних веков, радикальное противопоставление человека, созданного по образу и подобию Бога, и внешней реальности представлялось чем-то само собой разумеющимся, то сейчас справедливое подчеркивание принципиальных особенностей человеческого существования требует, однако, их объяснения с точки зрения включенности в единый процесс движения мирового бытия.

А это означает, что, хотя «система строится из будущего» [4, с. 213] и имеет перед собой круг возможностей дальнейшего развития, во-первых, неслу-

чаен и сам этот круг, – могут образоваться только те структуры, для которых имеется «материал»: незаданная возможность – это все-таки возможность, из данной системы это можно сделать. Хотя само «можно» и не содержится еще в качестве некой свернутой «преформации». А во-вторых, в конечном итоге реализуется та из возможностей, которая оказывается наиболее успешной, «желательной» формой адаптации к нарождающимся тенденциям, которые достигнут своего расцвета и максимального проявления в будущем, составив сущность новой реальности: «Настоящее формируется в соответствии с контурами грядущего... Будущее притягивает, “временит” настоящее...» [там же, с. 139]. Возникает парадоксальная ситуация, когда выбор системы в настоящем детерминируется одновременно и из прошлого, и из будущего: это «внутренняя игра свободы выбора и преддетерминации» [там же, с. 37–38].

Следующий важный для нас пункт заключается в том, что социокультурная реальность представлена многообразием систем, требующих порой совершенно различных форм поведения и когнитивных способностей. Кроме того, эта реальность отличается весьма изменчивым характером: качества, необходимые представителям одного поколения для успешного социального существования, могут оказаться вредными уже для их детей. Очевидно, что генетическое кодирование нужных признаков при таком многообразии вариаций и скорости изменений невозможно в принципе и вообще не целесообразно. Каким же образом мозг может приспособиться к такой невероятной динамике и разнообразию? Как полагают биологи, исключительно важным для понимания связи мозга и культуры является отложенное созревание лобной коры [2, с. 70]. «Генетическая программа позволяет эволюционно молодой лобной коре дольше не подчиняться контролю генов, а вместо этого дать возможность окружающей среде и культурным нормам выполнить роль скульптора» [1, с. 294]. Как утверждается, лобная кора, отвечающая за наиболее существенные характеристики нашей личности, в меньшей степени определяется генами и в большей – социальными опытом и теми событиями, через которые провела нас жизнь. Некоторые части нашего мозга «являются тем незаполненным объемом нейронов, который необходим для запоминания и подражания социальным формам поведения в сообществе» [5, с. 65], «“наполнение” мозга как носителя сознания и бессознательного детерминируется культурой» [2, с. 75]. В процессе данного наполнения отмечается принципиальная важность детского возраста, когда во внутреннем мире начинает закладываться определенный культурный формат. «Если в индивидуальном развитии не будет внешних условий для заполнения этих центров мозга социально значи-

мыми навыками, то они так и останутся невооруженными... Примером могут служить многочисленные современные “Маугли”...» [5, с. 65].

При этом важно подчеркнуть, что данный культурный формат по большей части усваивается бессознательно. Причем он закрепляется настолько прочно, что нередко сравнивается учеными с запечатлением в животном мире. Одним из методов такого усвоения является подражание, которое имеет самые разнообразные виды, от детского копирования слов и действий до воспроизведения общественных правил и мировоззренческих установок. «Это могут быть традиции, религиозные правила, местные законы, общественные представления о добре и зле... Люди... воспринимают эти правила как повседневный и естественный алгоритм поведения или социальный инстинкт» [6, с. 92]. Хотя на формирование социального инстинкта, безусловно, оказывают влияние обучение и опыт, сам процесс усвоения подобных алгоритмов носит в основном «имплицитный характер», когда люди «испытывают трудности с формулированием того, чему они научились, в форме явных правил» [7, р. 183]. Большинство социальных предписаний и установок усваиваются таким имплицитным образом, «без тщательного обдумывания»: «люди часто и понятия не имеют, откуда взялось то или иное суждение, но, тем не менее, горячо верят в его правильность» [1, с. 430].

Таким образом, на всеобщие биологически заданные когнитивные и поведенческие формы накладываются конкретные представления, детерминированные определенной культурой. Так, нейроученные анализируют западные индивидуалистические и восточные коллективистские общества, сравнивая их по ряду наиболее заметных параметров: от особенностей чувственного восприятия до характера социальных отношений. «Субъект как бы набрасывает на реальность концептуальную сеть, созданную из априорных образований, и вылавливает из реальности соразмерные величине ячеек этой сети знания о вещах» [2, с. 99]. Только в отличие от всеобщих доопытных структур, имеющих биологические истоки, особенность рассматриваемых априорных образований заключается в их социокультурной обусловленности и характерном для конкретных обществ своеобразии.

В то же время, как отмечают теоретики системного подхода, в развитии сложной целостности между соседними уровнями ее организации обнаруживается определенная общность ряда принципиальных характеристик. На основании рассуждений, касающихся особенностей биологического и социокультурного уровней, можно заключить, что один из моментов этой общности проявляется в бессознательном, автоматическом и нерелексивном оперировании

соответствующими априорными структурами. В подавляющем большинстве случаев человек не осознает ни всеобщих форм своего мышления и поведения, ни тех схем, которые вложены в него культурой, принимая их как непосредственную безусловную данность. Усвоение наличных культурных норм осуществляется столь же бессознательно и безотчетно, особенно в ранний период взросления, как и формирование биологически заданных структур. При этом сам характер мышления человека на социокультурном уровне можно охарактеризовать как рассудочный. Здесь уже есть определенная доля сознательности и возможность осуществить обдуманый выбор, однако мышление всё же направлено не на рефлексию предельных оснований имеющихся социокультурных традиций, а на выбор наиболее оптимальной стратегии деятельности путем сравнения частных опытных ситуаций в рамках наличных правил. Последние не подвергаются сомнению, не возникает потребности доказать для себя их истинность – само их принятие осуществляется бессознательно.

В признании сущностно несводимой дуальности человеческого бытия, подчиненного природным и культурным программам, которые нередко оказываются в принципиальном противоречии друг с другом, заключается глубокая интуиция биологов. Однако понимание качественных различий в проявлениях и характере самой духовной деятельности обычно не находит четкой артикуляции в трудах ученых, выражаясь в большей степени в незамеченных нестыковках и логических противоречиях, которые встречаются в их работах, связанных с осмыслением данного сюжета (в частности, в трудах К. Лоренца, Ф. де Валаля, С. В. Савельева). Сказанное не является упреком в адрес ученых, работающих в поле собственной предметности и разделяющих ее возможности и неизбежные ограничения, а в большей степени обосновывает необходимость междисциплинарного диалога науки и философии, в рамках которого только и можно отрефлексировать и преодолеть данные нестыковки. В проанализированных нами случаях последние возникают в связи с тем, что духовная мыслительная деятельность проявляется в двух совершенно различных направлениях: в первом случае – как подчинение заданным правилам, а во втором – как их преодоление в творческих актах, полагающих основы другой определенности.

Итак, если духовная активность действительно неоднородна, то возникновению нового уровня организации человеческого бытия должно предшествовать упоминавшееся в первой части статьи «смещение акцента», которое и знаменует собой переход, «скачок» на новый, более высокий структурный уровень. Это смещение акцента, с одной стороны, означает скачок, фульгурацию, а с другой – опору на предше-

ствующий уровень организации. Итак, если синтетическая деятельность рассудка функционирует в области опыта и замкнута в его границах, то искомое смещение, на наш взгляд, заключается в переводе предмета синтеза за рамки частного опыта и направленности на поиск его предельных оснований. Направленности, которая является необходимым условием творческого мышления и возможности преодоления ограниченности наличных форм. В философской литературе способность, связанная с выходом за рамки опыта и противопоставляемая рассудочному мышлению, получает название разума. Однако не стоит отождествлять так понятую разумность с чистым логическим *ratio*, о чем еще будет сказано в дальнейшем.

При этом важно заметить, что рассматриваемое смещение акцента представляет собой не просто отдельное, частное изменение в составе нашего сознания – происходит радикальная трансформация и перестройка фундаментальных структур человеческого бытия сравнительно с предшествующей рассудочной стадией. Исследованием особенностей мышления и поведения двух типов личности, у которых преобладает рассудочная или разумная установка в понимании и взаимодействии с миром, занимался наш отечественный ученый П. Ф. Лесгафт. В его трудах явственно проводится различие этих двух уровней, относимых биологами к единому измерению духовно-культурной организации. Переход на новую ступень духа меняет не только способ мышления, как это могло бы показаться при первом приближении к проблеме. Смещение акцента, ставящее под вопрос все значимые аспекты жизни человека: социальные правила, профессию, ценностные установки, принимаемые им прежде как нечто само собой разумеющееся, – оказывает влияние на все стороны его существования. В частности, на выбор жизненных целей, путей их достижения, на психическое состояние, характер деятельности, восприятие других людей и мира в целом. Невероятная сложность и мучительность этой радикальной трансформации человеческой личности блестяще изображена Л. Н. Толстым в его повести «Смерть Ивана Ильича». Писатель показывает, как честолюбивый расчетливый чиновник (подпадающий с точки зрения концепции Лесгафта под категорию рассудочного типа), для которого на протяжении жизни существовали только его карьера и личные выгоды, в процессе перенесения тяжелой неизлечимой болезни ставит под сомнение свои привычные правила и ценности, переживая духовное преображение в последние минуты жизни.

Как можно понять, в процессе мышления и, в частности, в творческих актах принимает участие не одна какая-то способность, а целостная личность, которую теоретики, дабы иметь возможность вообще

говорить о человеке и его внутреннем мире, разбирают на отдельные характеристики и качества. И если философы прошлого были склонны выделять какую-то одну отличительную способность из множества других, определяя ее как существенную (например, *ratio*), то современный подход подводит к необходимости учета целостной комбинации внутренних качеств и когнитивных особенностей человека, связанных в конкретную систему, определяющую и его познавательные возможности, и характер взаимодействия с миром.

В истории философии творческая деятельность закреплялась за разными способностями. Выход за пределы заданных ограничений связывается с разумом, воображением, способностью суждения, интуицией... Причем каждая из названных способностей имеет различные толкования. Нас в данном случае интересует понимание разума как способности, противостоящей рассудку. Нередко разум отождествляется с *ratio*, деятельность которого выражается в строгой логичной последовательности выводов. С другой стороны, он берется как способность суждения, которую обычно связывают с умением обобщать частные моменты опыта в определенных понятиях и утверждениях и, соответственно, двигаться в обратном направлении, нисходя от абстрактных положений к конкретным явлениям. С позиции третьего подхода, разум интерпретируется как основа трансцендирования, обеспечивающая возможность выхода в открытый горизонт бытия, как акт размыкания наличной заданности и впускания в себя открывшихся бытийных феноменов. При этом размыкающая структура должна быть определенным образом со-настроена на данные феномены, чтобы впустить и вместить в себя новое содержание. Бытие, в свою очередь, «узнавая» адекватные себе структуры, выступает им навстречу. В данном контексте удачно вспоминается фраза Ницше о бездне, которая начинается всматриваться в тебя, когда ты длительно и пристально направляешь на нее свой душевный и умственный взор. Очевидно, что разум, взятый в последнем понимании, не отделим от других когнитивных способностей, от воображения, чувственного переживания, рассудка, а также от элементов *ratio*. И действительно, в полагающей активности духа присутствует аспект чистой рациональности, связанный с выходом за рамки опыта и выражающийся в отвлеченных идеях и понятиях. И в то же время творческое мышление не тождественно этой сугубо логической разумности. Ибо сама возможность данного выхода предполагает наличие соответствующей устремленности, воли, желания, коротко говоря, присоединения других способностей. На этом основании Гегелю ставили в упрек самый первый пункт его системы – откуда у Мирового разума берется желание самопознания, если как таковой

он есть чистый разум? Ведь в таком случае он должен являть собой уже разум желающий, обладающий определенными стремлениями и волей.

Справедливость данного подхода к пониманию мышления подтверждается также на основе результатов нейронаучных исследований, выявивших отделы мозга, связанные с разными познавательными способностями человека, как с чувственными, например, зрение, слух, так и с рациональными, – рассудок и разум, и продемонстрировавшими тесную взаимосвязь различных отделов в процессе выполнения определенных действий. Причем в осуществлении конкретного вида деятельности могут участвовать как рассудок, так и разум, но в разном контексте и отношении. Как поясняет Р. Сапольски, когда человек осваивает какой-то новый вид активности, то незнакомая для него последовательность действий первоначально регулируется разумом, в лобной доле. Однако, когда данная последовательность превращается в привычку, усвоенные алгоритмы больше не нуждаются в специальном сознательном контроле и хранятся уже в другой части мозга. Таким образом, рассудок условно можно назвать хранилищем заданных алгоритмов. А чем более новой, непонятной и непривычной является идея или деятельность, которую нам предстоит осваивать, отказываясь от некоторых автоматизмов, укоренившихся в нашем бессознательном, тем большую нагрузку приходится выполнять лобному отделу и тем более творчески проявляется наш разум. Ведь для усвоения и принятия принципиально нового нередко приходится перестраивать наличные обкатанные структуры своего внутреннего мира. При этом граница между двумя данными рациональными способностями довольна условна. Ибо уже приспособление имеющегося алгоритма к новой ситуации требует порой нестандартных решений, возможно, даже перестройки ряда его вторичных структур. Для чего необходим определенный взгляд со стороны, – достаточно широкий, чтобы осуществить некоторое углубление в суть проблемы. Пусть это углубление и не доходит до предельных оснований, но может давать некоторую степень понимания, выгодно отличающуюся от бестолкового автоматического копирования.

В данной системе способностей, обеспечивающей независимый, свободный, а в максимальном проявлении – творческий характер наших решений, ведущая роль отводится той из них, которая осуществляет интеграцию всех имеющихся элементов, ощущений, интуиций, данных рассудка и *ratio* и иных познавательных нюансов. Таковыми обычно признаются способность суждения и воображение.

Каждый из уровней, выделенных в структуре человеческого бытия, воплощается в собственном конструирующем схематическом полагании. При этом

на любом уровне схематический синтез обнаруживает теснейшую связь с чувственностью. Современная нейронаука обосновывает значимость чувственности, в том числе эмоций и переживаний, в контексте осуществления конструктивных актов нашего сознания. Данное осуществление сопровождается положительными или отрицательными переживаниями, взятыми во множестве своих оттенков, выражая характер, успешность, направление и правильность синтеза.

Схематизм, свойственный высшей, разумной форме человеческой духовности, представляет собой подвижную, индивидуальную структуру, которая разветвляется в неповторимую когнитивную сеть, не совпадающую в своем уникальном рисунке ни с одной другой. Безусловно, она формируется на базе заданных культурных смысловых узлов, но представляет собой открытую, достраивающуюся схему, на которую оказывает влияние личный опыт субъекта, приобретенные способы мыслить и чувствовать, и которая в актах полагания может трансформировать не которые свои элементы, даже направляющие структурные линии, чтобы впустить и усвоить новое, ранее не известное содержание. Важно отметить, что в любом схематизме всегда присутствует некоторая степень незавершенности и неопределенности. Вспомним пример Канта со схемой треугольника, которая представляет собой общее правило построения данной фигуры. В качестве правила, выражающего сущность конкретного геометрического объекта, оно завершено, однако неопределенность заключается в том, каким образом наше воображение будет строить данную фигуру и какой именно вид треугольника в конечном счете получится. Важно заметить, что схематизм рассудка не выводит к принципиально новым формам, оперируя заданными правилами конструирования, которые поэтому можно назвать «закрытыми схемами». Тогда как схемы, свойственные более высокому, разумному уровню человеческого духа, являются «открытыми», поскольку включают возможность трансформации существенных узловых структур.

Вместе с тем совокупность открытых и закрытых схем представляет собой не набор обособленных элементов, хранящихся в сознании человека, а скорее взаимосвязанную ветвящуюся сеть, своего рода единое полотно с уникальным, неповторимым и постоянно меняющимся рисунком. При этом развивая свои представления в какой-то частной области, мы перестраиваем не всю имеющуюся совокупность схематических структур, а только некоторые ее звенья, связанные с конкретной проблемой. Причем с логической точки зрения данная сеть далеко не всегда представляет собой последовательное единство. В поле внутренней самости индивида логически разрозненные части понимания мира не обязательно

вступают в конфликт, выступая различными способами связи, или адаптации, человека с миром. И не стоит думать, что такие противоречивые элементы могут наличествовать только в сознании малообразованного обывателя, даже у великих философов присутствовала подобная смысловая непоследовательность. И в то же время именно из этого уникального, часто противоречивого внутреннего сплава и рождаются те новые идеи и преобразования, которые не только способствуют развитию потенций наличной культурной традиции, но и ведут к радикальной трансформации ее фундамента, а значит, зарождению основ новой культуры.

На таком индивидуальном схематизме основан любой подлинный процесс обучения, когда, узнавая что-то совершенно новое, мы вынуждены перестраивать свои старые представления. Данный процесс понимания в корне отличен от рассудочного зазубривания. Здесь полезно вспомнить о методе Сократа: успешность продвижения диалога заключается в том, чтобы со-настроить в едином схематическом русле задаваемые наводящие вопросы с особенностями мышления собеседника, и подобрать нужную логику, последовательность развертывания содержания, примеры объяснения. Такие открытые схемы могут формироваться или только намечаться в своем возникновении, в разных сферах человеческой деятельности. Также вероятно предположить существование человека, в котором этот личностный момент сведен к минимуму и почти не проявляется, что выражается в крайней косности мышления и отсутствии всякой подлинной самостоятельности.

Таким образом, в рамках трансцендентальной субъективности представляется возможным выделить три уровня: биологически заданный уровень, определяющий всеобщие формы мышления и поведения; уровень, основанный на социокультурной детерминации; а также субъективный уникальный уровень, являющийся самым подвижным и постоянно достраиваемым или перестраиваемым. Этот последний уровень можно назвать экзистенциальным. Несмотря на его подвижность и открытый характер, в нем также присутствуют свои априорные формы, выражающие характерные для индивида особенности мышления, чувствования, настроенности на мир. Собственно введенное понятие «открытой схемы» и представляет собой способ связи индивидуальных априорных структур с бытием и тем самым конкретизирует этот особый характер сопричастности человека миру, встраивания индивидуального сознания в реальность и вбирания в себя дающегося в этом акте содержания. Таким образом, мы полагаем возможным говорить об особой уникальной априорности.

Рассмотрение трансцендентальной субъективности как изменчивой подвижной системы осуществля-

ется в рамках деятельностного подхода. Так, В. А. Бажанов отмечает: «Деятельностный трансцендентализм оказывается не жестким, как бы окаменелым надиндивидуальным образованием, а подвижной, но относительно стабильной в определенные промежутки времени структурой...» [2, с. 60]. При этом автор связывает процесс развития трансцендентализма с социокультурной детерминацией: «Трансцендентальное в этом понимании оказывается ситуативно определенным – спецификой познавательной деятельности и ее исторической обусловленностью, некоторыми (нейро)биологическими и социально-культурными особенностями активности субъекта познания» [там же]. Мы же полагаем, что помимо биологических и социокультурных особенностей важнейшим уровнем трансцендентальной субъективности является экзистенциальный уровень. Он еще более подвижен, чем культурный, и промежутки его относительной стабильности значительно короче. Однако именно этот уровень человеческой субъективности лежит в основании развития самой культурной традиции, обеспечивая доступ в открытый горизонт бытия и выводя за рамки наличной заданности. И этот горизонт и самый выход всегда конкретны. На данном уровне соединяются трансцендентальное и трансцендентное, а, кроме того, всеобщее и особенное. Ведь помимо всеобщих структур, обеспечивающих трансцендирование, таких, как время, человек может иметь свои уникальные априорные структуры, через которые он осуществляет доступ к бытию. Безусловно, данные структуры, собственно как и априорные формы биологического и социокультурного уровней, так или иначе возникают на основании опыта, вернее, разных видов опыта: эволюционный опыт человеческого рода, культурный опыт определенной социальной общности, к которой принадлежит человек, и собственный индивидуальный опыт. Однако данные формы мы называем априорными, поскольку именно на их основании человек конструирует мир для себя, встраивает их в свой текущий опыт и воспринимает через их призму окружающую действительность.

При этом важно заметить, что априорные формы экзистенциального уровня трансцендентальной субъективности обладают не только рациональной, но, прежде всего, чувственной природой. В сфере готовых результатов творчества эти структуры проявляются и в уникальном почерке художника или писателя, в собственном стиле мышления ученого, используемых образах и источниках вдохновения, – в совокупности множества факторов, слитность которых, переплавленная в субъективные трансцендентальные структуры, обеспечивает процесс творчества и открытость «своих» бытийных горизонтов. И если рациональную составляющую можно выделить из процесса и результата творческой деятельности – ав-

тор может объяснить свой замысел, логику, используемые методы или технику, а мы сможем перевести эту составляющую в общедоступные формы, воспроизводить и тиражировать, – то чувственный компонент невозможно полностью опредметить и скопировать. Здесь уместно вспомнить известную фразу Ф. Шатобриана о том, что не тот писатель является оригинальным, который никому не подражает, а тот, кому никто не в силах подражать. И ведь действительно, произведения Толстого, Достоевского, Шекспира узнаются с первых страниц, их стиль, манера исключительно выразительны, практически осязаемы и при этом неповторимы. Крайне сложно однозначно определить, в чем же именно заключается эта характерная особенность, эта до конца никогда не переводимая на рациональный язык узнаваемость, о которой поэтому так трудно говорить.

О творчестве речь может вестись по крайней мере в двух смыслах. В одном случае мы берем данный феномен в его предельном значении, которое связано с полаганием принципиально нового и выражает определенный вклад в культуру. Во втором, более обыденном, смысле речь идет о творчестве на индивидуальном уровне, проявляющемся в независимости и самобытности мышления, когда человек не делает вклада в культуру, но для его личного опыта и понимания полученные результаты являются творческими – он не вычитал их в книге, не услышал от другого, а дошел до сути явления самостоятельно. Причем не менее значимыми на этом пути являются не только полученные результаты и ответы, но прежде всего, правильно заданные вопросы. Кроме того, как отмечает П. Ф. Лесгафт, самостоятельность мышления может проявляться не только в форме умственной работы, но также в виде практической деятельности, когда человек учится понимать явления в результате непосредственного взаимодействия с ними. Сформированному таким путем мышлению, как отмечает ученый, часто не хватает свободы отвлеченного обдумывания, однако оно, очевидно, намного ближе к созиданию, чем простое копирование чужих идей.

При этом важно отметить взаимосвязь выделенных трех уровней трансцендентальной субъективности. Человек не способен превзойти свою биологию и мыслить вне объектных форм, мы выделяем отдельные предметы, ищем связи между ними – либо последовательные односторонние (категория причинности), либо одновременные двусторонние (категория взаимодействия, по Канту). Вместе с тем мы исходно опираемся на имеющиеся концепции, правила и способы мышления, – на те традиции, которые существуют в культуре. И без данной опоры невозможны ни творчество, ни свобода, ни, соответственно, переход на высший уровень духовного существования.

В заключение обратимся к закономерному возникающему вопросу: почему же в литературе чаще всего говорится о двойственности человеческой природы? Отвечая на данный вопрос, важно заметить, что выделяемые два начала чаще всего не совпадают у представителей философии и науки. В рамках философской проблемности более актуально противопоставление уже существующих, наличных форм бытия и становящихся, рожденных творческим актом индивида. В этом отношении биологически наследуемые и приобретенные в социуме готовые структуры относятся к одному классу – предзаданного, костного, часто определяемого как неподлинное и подавляющее свободу человека. Тогда как высшее измерение духа выражает акты свободы, творческого полагания, принятия собственного призвания и иные определения человеческой подлинности и уникальности. Что же касается предметности биологической науки, для нее характерно проводить разделительную линию между врожденно заданными и приобретенными формами поведения. Поэтому биологически наследуемые структуры оказываются по одну сторону данной линии, а социальные и духовные – по другую. Вместе с тем чем более мышление ученого приближается к основаниям духовной области, тем отчетливее в их трудах проявляются несоответствия в характеристиках духовной сферы, которая определяется то как следование заданным правилам, то как их творческое преодоление. И в своих интуициях исследователи порой оказываются много глубже, чем в непосредственных выводах работы, различающих только биологическое и социокультурное измерения. Чтобы данные интуиции могли найти свое рациональное выражение, необходим диалог между представителями науки и философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сапольски Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. М. : Альпина нон-фикшн, 2019. 766 с.
2. Бажанов В. А. Мозг – культура – социум : кантианская программа в когнитивных исследованиях. М. : Канон+ : Реабилитация, 2019. 288 с.
3. Морен Э. Метод. Природа природы. М. : Прогресс, 2005. 464 с.
4. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика : нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М. : КомКнига, 2011. 272 с.
5. Савельев С. В. Нищета мозга. М. : ВЕДИ, 2014. 192 с.
6. Савельев С. В. Церебральный сортинг. М. : ВЕДИ, 2016. 232 с.
7. Woodward J., Allman J. Moral intuition : its Neural Substrates and Normative Significance // Journal of Physiology – Paris, 101 (4–6). P. 179–202.

*Воронежский государственный университет
Вяткина А. Г., кандидат философских наук, стар-
ший преподаватель кафедры онтологии и теории по-
знания
E-mail: allavia85@mail.ru*

*Voronezh State University
Vyatkina A. G., Candidate of Philosophical Sciences,
Senior Lecturer of the Ontology and Theory of Knowledge
Department
E-mail: allavia85@mail.ru*